

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОСОФИЯ

УДК 34(37)091

А.Ф. Вишневский, доктор исторических наук, профессор права, заслуженный работник образования Республики Беларусь, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Исходным материалом средневекового права явились правовые обычаи, которые в результате основательной доктринальной обработки стали одним из элементов правовой культуры общеевропейского масштаба. Особое внимание уделено роли университетской науки в открытии римского права для европейского общества. Показано значение школы глоссаторов, постглоссаторов и гуманистов в развитии правовой мысли и юридической практики средневековой Европы.

Ключевые слова: средневековье, рецепция права, источники права, римское право, позитивное право, глоссаторы, постглоссаторы, гуманисты.

Падение в 476 г. Западной Римской империи означало гибель античных политико-правовых институтов и крушение цивилизации, олицетворявшей высшее достижение древнего мира. На смену пришли Средние века, когда западноевропейское общество вынуждено было проделать путь от несложных в организационном отношении протогосударств к крупным конгломеративным «варварским» королевствам, а в конечном счете – к централизованным национальным державам. Сам термин «Средние века» восходит к итальянским гуманистам XV–XVI вв., видевшим в Средневековье длительный, но промежуточный период между великими европейскими культурами – античной и новой, начавшейся с эпохи Возрождения.

Унаследованные от античности частная собственность и христианство, которое со времени правления Константина I (306–337) стало государственной религией, были важным катализатором исторического развития, определившим уникальность западноевропейской цивилизации и в последующие века. На фоне экономического обособления и политического разделения Римской империи на западную и восточную (395 г.), дальнейшего углубления общего кризиса рабовладельческого строя, общеинтеллектуальной стагнации христианская церковь явилась единственно мощной интегрирующей силой, а ее идеологи – носителями и интерпретаторами духовных ценностей. «В руках христианских священнослужителей, – подчеркивает профессор С.Ф. Сокол, – были сосредоточены политика и юриспруденция, которые в совокупности с другими науками стали прикладными отраслями богословия» [1, с. 57]. Неслучайно поэтому сами главы европейских государств, признавая идеологическую мощь церкви, с удовольствием принимали от нее титулы графов, королей, императоров, включаясь тем самым в систему церковно-христианских политико-правовых ценностей. Как следствие, возникла проблема, прошедшая через все Средневековье, – взаимоотношения и соотношения светской и духовной властей. В конце V в. папа Геласий сформулировал тезис об их взаимной независимости: король имеет преимущество в делах светских, папа и священнослужители – в вопросах религии. Несколько позже папа Григорий Великий провозгласил, что главной целью государства является обеспечение людей возможностью попасть в рай, королевство же земное должно быть слугой королевства вечного. В этом усматривается стремление обосновать идею усиления роли христианства в раннефеодальных европейских государствах. Разрозненность и слабость государственно-политических структур содействовали ее воплощению в жизнь. «В руках духовенства оказалось не только образование, но и образованность. Германские короли, как, например, Карл Великий, были абсолютно неграмотны, а поэтому только в сочинениях духовных лиц этого периода можно найти элементы политической и правовой теории» [1, с. 58].

Краткий исторический экскурс позволяет заключить, что и средневековая юриспруденция, по своей сути феодальная, имеет тысячелетнюю историю – с падения в 476 г. Рима до ранних буржуазных революций. Она включает византийский, арабский и европейский юридический миры, каждый из которых обладал своей спецификой политико-правовой культуры. Если византийская сочетала в себе христианско-эллинистические элементы с восточно-азиатскими, арабская – ислам со множеством христианско-

иудаистических и эллинистических элементов, то европейская – христианские элементы с варварскими и античными [2, с. 167]. И если речь идет о проблемах становления и развития европейской средневековой юриспруденции, то вопросы истории формирования и особенности развития византийской и арабской политико-правовой мысли могут быть предметом специальных научных исследований.

Исходный «строительный материал» европейское средневековое право черпало в правовых обычаях, которые со временем получили основательную доктринальную обработку и стали одним из элементов правовой культуры в общеевропейском масштабе. Примером могут служить «Обычаи Барселоны» (1068 г.), а также работа миланского ученого Умберто де Орто «Обычаи феодалов», где впервые сделана попытка систематизации обычного феодального права. В более поздний период появляются другие частные записи правовых обычаев с попыткой их теоретического осмысления («Саксонское зеркало» в Германии, «Кутюмы Бовези» во Франции и др.) [3, с. 103–108, 125–132].

Особая роль в становлении общеевропейского права принадлежит каноническому и городскому праву. Первое возникло первоначально как право христианской церкви в целом, а после ее раскола сложились две самостоятельные ветви канонического права. В Западной и Центральной Европе оно получило весьма значительное развитие и превратилось в самостоятельную и эффективно действующую систему средневекового права. Восточная ветвь канонического права, оформившаяся в рамках Греко-православной церкви, действовала в Византии, а также в ряде других стран Юго-Восточной и Восточной Европы, но не имела такого авторитета, как каноническое право на Западе.

Значимость норм канонического права в западноевропейском обществе определялась рядом факторов. Во-первых, каноническое право здесь разрабатывалось и поддерживалось могущественной Римско-католической церковью и папством. Во-вторых, оно отличалось универсальностью и экстерриториальностью, поскольку его нормы действовали во всех странах, принявших католицизм. Таким образом, каноническое право не знало государственных границ и соединило в единое целое всех католиков. В-третьих, каноническое право отличалось широтой регулируемых им общественных отношений. Оно включало вопросы духовной и светской жизни, было обязательным для клириков и для мирян [4, с. 182–189]. Особый вес каноническому праву придавал факт его традиционности, поскольку оно своими корнями уходило в античность, в греческую философию и римскую правовую культуру. Оно вобрало в себя и передало последующим поколениям целый ряд норм римского права, его язык, что нашло выражение в формуле: «церковь живет по римским законам».

Показательно, что христианская доктрина возвеличивала не только власть церкви как духовной, управленческой организации, но и власть папы римского как единого руководителя всего христианского сообщества. Властные полномочия папы якобы перешли от апостола Петра, рассматривающегося в качестве первого главы христианской церкви. Кроме того, использовался акт римского императора Константина Великого, признававший папский примат (первенство) над патриархами и всеми христианскими церквями и уступавший папе власть в Риме, Италии и западных провинциях империи. Таким образом светская власть должна была принять власть папы римского волей императора.

Известный шведский исследователь истории европейского права Э. Аннерс указывает, что «фальсификаторы исказили... так называемую Дарственную Константина, согласно которой император Константин Великий, когда переносил резиденцию в Константинополь, передал папе Сильвестру I не только церковное господство над всей Римской империей, но и мирскую власть над ее западной частью» [4, с. 183]. Фальсификаторы были впервые разоблачены французскими гуманистами в XV в., а окончательно – в 1628 г. кальвинистским юристом Давидом Блонделем [3, с. 183].

По мнению известного специалиста в области истории юриспруденции Н.М. Азаркина, «доминирующее положение церкви в Европе объясняется тем, что, в отличие от сохранившейся на многие века в Византии императорской власти, подчиняющей себе и ограничивающей духовную власть, воссозданная Карлом Великим Западная Римская империя фактически просуществовала недолго... Католицизм, оказавшись единственным объединяющим началом, не только укрепляет свои позиции, но и представляет претензии на подчинение себе светских властей. Всем этим обусловлено господство теократических мотивов в юрavedении этой эпохи» [2, с. 168].

Городское право, являясь частью общеевропейской правовой культуры, как правило, основывалось на фиксированной письменной традиции. Его нормы закреплялись в городских статутах, королевских или иных сеньориальных хартиях, пожалованных городу. Городское право, несмотря на наличие в нем некоторых чисто феодальных институтов, по своему основному содержанию не являлось феодальным, оно, скорее, предвосхищало будущее буржуазное право, разрабатывало именно его принципы. Города широко использовали различные сборники международного торгового права и морских обычаев, составленные, как правило, в городах Италии, Испании, Германии, и тем самым внесли заметный вклад в формирование единых правовых традиций в странах Западной Европы. Городское право Любека и Магдебурга распространило свое влияние и на города Восточной Европы, в том числе Великого княжества Литовского [4, с. 190; 5, с. 57–67].

Средние века – эпоха, когда в рамках формирующихся национальных государств постепенно закладывались основы будущих национальных правовых систем. Этот длительный процесс завершился в большинстве стран уже в Новое время. Но именно в Средние века определялись контуры континентальной и англосаксонской правовых систем (семейного права), складывались их специфические и несходные правовые институты. Немалую роль в этом сыграло римское право. Дело в том, что после падения западной части Римской империи римское право не утратило полностью своего действия, но с образованием варварских государств сфера его применения в Западной Европе сузилась. Оно сохранилось прежде всего на юге – у испано-романского и галло-романского населения. Постепенно синтез римской и германской правовых культур привел к тому, что римское право стало оказывать влияние на правовые обычаи вестготов, остготов, франков и других германских народов. Но со временем собственно римские источники права вышли из употребления и забылись.

Новая жизнь римского права в Западной Европе, его второе рождение начинается в XI–XII вв. В основе этого бурно развивающегося процесса был заложен целый ряд исторических факторов, среди которых особую роль сыграло оживление экономической жизни, особенно торговли. Зарождавшиеся буржуазные отношения не могли пробиться сквозь гущу правовых обычаев и чисто феодального права, рассчитанного на замкнутое общество. Римское же право содержало в себе точные и готовые формулы закрепления частной собственности и торгового оборота. Не случайно центром возрождения римского права стали города-республики Северной Италии, которые переживали в XI в. экономический подъем и являли собой в то время наиболее развитый в хозяйственном отношении регион Европы.

Однако рецепция римского права была вызвана не только экономическим фактором, но также социальными и духовными потребностями общества, остро нуждавшегося в правовом порядке, правовой стабильности, а соответственно и в распространении юридического образования и мышления. Рецепцию римского права поддержала католическая церковь, увидевшая в нем средство, способное усилить каноническое право и притязания пап на мировое господство. Рецепцию санкционировала и королевская власть, стремившаяся к централизации, а следовательно, и к юридизации всей общественной и государственной жизни.

Римское право, как никакой другой фактор эпохи Средневековья, способствовало преодолению территориальных границ, созданию единого стержня европейской правовой культуры, юридической науки и образования. Говоря о рецепции римского права в Западной Европе, известный немецкий ученый-юрист Рудольф фон Иеринг выразился так: «Рим три раза покорял мир: первый раз силой оружия, второй – силой религии, третий – силой права» [6, с. 136].

Важную роль в «открытии» римского права для средневекового общества сыграли университеты Северной Италии (в Равенне, Падуе, Болонье и в других городах). После обнаружения в Пизе в середине XI в. рукописи Дигест Юстиниана (копии VI или VII в.), получившей впоследствии название «Флорентийская рукопись», в университетах начинается систематическое изучение и преподавание римского права.

Особую известность обрел юридический факультет Болонского университета, который к XIII в. насчитывал около 10 тыс. студентов практически из всех стран Западной Европы. Его основателем был один из крупнейших средневековых знатоков римского права Ирнерий. По данным профессора С.Ф. Сокола, Ирнерий родился в 1065 и умер в 1125 г. [1, с. 69]. Созданная им школа римского права, имевшая общеевропейское значение, получила название школы глоссаторов. Само название школы произошло от того, что глоссаторы делали свои пояснения, уточнения и т. п. по тексту юстиниановых памятников римского права в виде глосс, т. е. записей (комментариев) на полях или между строк рукописи. Для учебных целей профессор комментировал (глоссировал) классические документы слово за словом, строку за строкой, ставил перед студентами вопросы, классифицировал и обобщал правовой материал. Некоторые глоссы представляли собой суммированное изложение комментируемого отрывка (так называемые брокардики), другие содержали широкие правила, выводимые из изучаемого текста (правовые максимы).

Ирнерий, положивший начало систематическому изучению Дигест, имел значительное число последователей и учеников, среди которых наибольшую известность получили Булгар, Мартин, Гуго, Якоб, Одофред [4, с. 158–168; 6, с. 136]. К числу видных глоссаторов XII–XIII вв. относятся также Рогеддио, Бургундио, Родже, Ацо, Унголин и др.

Глоссаторы составляли учебники права, содержавшие краткий пересказ глосс и именовавшиеся суммами, сборники спорных вопросов, уточнений и различий понятий, а также казусов, специально подобранных для пояснения источников. Они писали и самостоятельные труды по отдельным вопросам права. Школа глоссаторов проделала огромную работу по восстановлению и обработке классического римского права, по разъяснению устаревших или ставших к тому времени малопонятными текстов и терминов, по внутреннему упорядочению правовых памятников (прежде всего Дигест).

Аналитически сопоставляя содержащийся в кодификации Юстиниана конкретный материал по тому или иному правовому вопросу, глоссаторы преодолевали казуистический характер, присущий классическому римскому праву, вводили в него широкие обобщения, создавали новую систематику. По существу именно с глоссаторов начинается развитие юридической науки и образования в собственном смысле слова. Как указывает Э. Аннерс, «глоссаторы в своей научной деятельности проявили себя весьма незаурядными педагогами и в качестве таковых обращали самое серьезное внимание на

юридическое образование своих юных питомцев в духе обучения их тем научным методам, которыми они сами владели в совершенстве [4, с. 164].

Хотя деятельность глоссаторов отличалась академизмом и не оказывала непосредственного воздействия на практику феодальных судов, в дальнейшем по мере распространения римского права глоссы приобретали все больший авторитет, практически равный самому глоссируемому тексту. Со временем установилось правило: «То, что не признает глосса, не признает суд».

Деятельность глоссаторов подготовила почву для изучения и преподавания римского права и за пределами Италии, в том числе в Оксфордском университете в Англии.

Последним выдающимся представителем глоссаторов был Аккурций, который около 1250 г. опубликовал в едином сборнике глоссы своих предшественников и современников, сделанные по тексту Кодекса, Дигест и Институций Юстиниана. Этот сборник, который насчитывал 96 940 глосс, получил название *Glossa ordinaria* (расположенная в порядке) или *Glossa magistralis* (учительская). По своей масштабности и тщательности обработки материала, по четкости плана и устранению противоречий он превосходил все предшествующие работы глоссаторов. Сборник Аккурция, который впоследствии стали называть «Большая глосса» или даже просто «Глосса», в течение нескольких веков рассматривался как образцовое и наиболее авторитетное руководство по римскому праву [7, с. 260–261].

Следует отметить, что глоссаторы внесли определенный вклад в разработку позитивного права, в становление и развитие юридико-догматического метода трактовки его источников. «Они, – писал А. Стоянов, – объясняют себе смысл отдельных законов... Но от объяснения отдельных законов высшие, теоретические требования ума повели юристов к логически связанному изложению целых учений в тех же законных пределах источников. Это – элемент догматический. Кроме того, юридическая литература начала XIII в. представляет попытку излагать учения римского права самостоятельно, не придерживаясь порядка титулов и книг свода. Здесь – зародыш элемента систематического. Таким образом, глоссаторы напали на те живые стороны, которые должны быть в методе юриспруденции как науки, в истинном смысле слова. Изучение положительного права не может обойтись без... догматической и систематической обработки. Здесь выражаются основные, неизменные приемы человеческого ума, которые называются анализом и синтезом» [8, с. 4–5].

Следует согласиться с мнением В.С. Нерсесянца о том, что глоссаторы стояли у истоков европейского легизма. «Конфликт права и закона, правовой справедливости (*aequitas*) и позитивного права, – пишет ученый, – глоссаторы решали в пользу официального законодательства, и в этом смысле они были законниками» [9, с. 95]. Об этом значительно раньше писал известный исследователь истории римского права А.И. Покровский: «Болонская школа требовала, чтобы судья, отказавшись от своих субъективных представлений о справедливости, держался положительных норм закона... Уже Ирнерий провозгласил, что в случае конфликта между *ius* и *aequitas* разрешение его принадлежит законодательной власти» [10, с. 194].

С «Большой глоссы» Аккурция школа глоссаторов прекратила свое существование, уступив в последующем место постглоссаторам (школе комментаторов) – новому поколению итальянских профессоров римского права. Наиболее известными среди них были Синус де Пистойя (1270–1339), Бартоло да Сассо-Феррато (1313–1357), Балдус де Убалдис (1347–1400). Но самым выдающимся постглоссатором был Бартоло, по имени которого саму школу нередко называли бартолистами. Становление этой школы было связано с новым экономическим и культурным подъемом в Италии и ряде других стран Западной Европы, который породил острую потребность в преодолении феодального правового партикуляризма, в распространении вневременного и абстрактного права. Именно таким правом благодаря постглоссаторам и предшествующей деятельности глоссаторов стало римское право, которое рассматривалось как «писанный разум» [7, с. 261].

Школа постглоссаторов не проявляла интереса к классическому римскому праву. Ее представители занимались главным образом толкованием правовых понятий и отдельных отрывков из кодификации Юстиниана, содержащихся в работах глоссаторов, с целью выведения так называемого общего мнения ученых (*communis opinio doctorum*). Обработка римского права путем уяснения и разъяснения его смысла хотя и отличалась крайней схоластичностью, все же способствовала превращению последнего в теоретическую базу формирующихся национальных правовых систем европейских государств.

Работая с юридическими документами, постглоссаторы провели большую работу по согласованию римского права с нормами средневекового канонического, городского и обычного права. Именно в системной обработке римского права, осуществленной постглоссаторами, «оно вышло за рамки простого права ученых и было воспринято судебной практикой в большинстве стран Западной Европы» [7, с. 261].

Следует обратить внимание, что в отличие от глоссаторов постглоссаторы вновь обращаются к идеям естественного права и соответствующим учениям римских юристов и других своих предшественников. Естественное право они трактуют как вечное, разумное право, выводимое из природы вещей. Соответствие требованиям естественного права выступает в качестве критерия для признания норм позитивного права (норм законодательства и обычного права). Например, один из основоположников школы постглоссаторов Раймунд Луллий (1234–1315) считал, что в случае противоречия между естественным и

положительным правом последнее не подлежит применению. Другой представитель этой школы – Бартол (1314–1357) заявлял, что естественное право сильнее власти монарха. XIV–XV в. следует считать временем господства постглоссаторов. Труды корифеев этой школы Бартола и его ученика Бальда (1327–1400) оказали огромное влияние на законодательство и судебную практику (комментарии Бартола в Испании и Португалии считались для судов обязательными). Римское право стало неотъемлемой частью правовой действительности Европы. Предписания римских юристов оценивались с точки зрения их соответствия естественному праву, вследствие чего они видоизменялись применительно к новым историческим условиям [6, с. 137].

С течением времени нарастала неудовлетворенность деятельностью постглоссаторов, их схоластическими построениями в науке и субъективизмом на практике. Более того, за апеллированием к естественнo-правовым началам при рассмотрении юридических дел нередко скрывался судебский произвол.

С начала XVI в. складывалось новое направление в юриспруденции – гуманистическое (гуманистическая школа). Основоположниками гуманизма стали Альциат (1492–1550, Италия), Цазий (1461–1535, Германия), Куяций (1522–1590, Франция). Представители этого направления вновь сосредоточили внимание на тщательном изучении источников действующего, особенно римского, права, усилившийся процесс рецепции которого требовал согласования его положений с новыми историческими условиями и нормами национального права. В это время начали использоваться приемы лингвистического анализа источников римского права, складывались зачатки исторического подхода к пониманию и толкованию права [9, с. 98].

Для юристов гуманистической школы право – это прежде всего право позитивное, законодательство. Юристы XVI в. по преимуществу являлись легистами, выступавшими за централизацию государственной власти, единое светское законодательство, кодификацию действующего позитивного права. Гуманистическое направление в юриспруденции – последнее единое европейское средневековое течение. Однако и оно не смогло в полной мере удовлетворить запросы практики, требовавшей не столько изучения римского права, сколько более широкой деятельности по его приспособлению к вызовам времени. Поэтому гуманистическая школа уже к началу XVII в. лишилась ведущих позиций. Усилилось прагматическое (практическое) направление в юриспруденции, особенно в цивилистике, возникшее под воздействием потребностей практики применения римского права. Представители этого направления, особенно сильного в Германии, не ставили перед собой теоретических задач, а вели работу по изменению и приспособлению римского права к практике судов, создавая так называемый *usus modernum Pandectarum* [6, с. 138].

Таким образом, в истории развития правовой мысли и юридической практики средневековой Европы нельзя переоценить значение римского права. Римские юристы не только детально разработали институты частного права, поставили, а в некоторых случаях разрешили ряд теоретических проблем правоведения, но и показали классические образцы кодификации права, значительную часть которой составляет систематизация мнений юристов.

В результате рецепции римского права в Западной Европе оно оставалось востребованным в течение многих столетий. Что же касается исторических источников права, то в их системе взгляды римских юристов занимают особое место.

Нельзя, однако, отрицать тот факт, что в эпоху средневековья юристы европейских государств внесли заметный вклад в развитие теоретических вопросов юриспруденции как с позиции естественного права, так и с позиции права позитивного, разработки его догмы (принципов и приемов юридико-догматического анализа и толкования права). Средневековые юристы значительно обогатили понятийный и теоретико-познавательный аппарат правовой науки, углубили понимание ее предмета и методологии. Поэтому есть все основания утверждать, что в средневековой юриспруденции были свои подъемы и спады, но не было длительных пауз, серьезных провалов и пустот. Выдвинутый некоторыми представителями эпохи Просвещения тезис о том, что Средневековье есть черная дыра в истории правовой культуры человечества, «не только ложны, но и ныне антинаучны» [2, с. 172]. Последнее особенно подтверждается трудами известного американского юриста Г. Бермана, в частности его фундаментальным исследованием «Западная традиция права: эпоха формирования» [11], цитированным выше шведским исследователем Э. Аннерсом, белорусским ученым-правоведом С.Ф. Соколом и др.

Следует согласиться с мнением Э. Аннерса о том, что благодаря развитию юридической техники в Средние века право стало гораздо более точным инструментом управления общественным развитием через законодательство и контроль юридической практики. Тем самым были созданы условия для более эффективной, чем раньше, организации разделения труда. Вследствие этого сложились важные предпосылки для естественнонаучного и технического прогресса в начале Нового времени, который во второй половине XVIII в. привел к первой промышленной революции. Ее быстрое течение было бы невысказанным, если бы не возможности юридической техники, позволявшие в условиях развитого частного права и права управления быстро решать чрезвычайно сложные общественные проблемы, порожденные новой промышленной техникой. Одной из предпосылок европейского индустриального общества и доминирующего положения Европы в мире в XIX в. была правовая деятельность глоссаторов, постглоссато-

ров и гуманистов полтысячелетия назад. Такую взаимосвязь будет легче понять, если вспомнить, что «право есть инженерное искусство общественной жизни» [4, с. 208].

1. Сокол, С.Ф. Зарождение и становление европейской юриспруденции: Древняя Греция, Рим, Средневековье / С.Ф. Сокол. Минск : БИП-С Плюс, 2011. 196 с.
2. Азаркин, Н.М. Всеобщая история юриспруденции : курс лекций / Н.М. Азаркин. М. : Юрид. лит., 2003. 608 с.
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран / под ред. З.М. Черниловского. М. : Юрид. лит., 1984. 472 с.
4. Аннерс, Э. История европейского права : пер. со швед. / Э. Аннерс. М. : Наука, 1996. 395 с.
5. Юхо, I.A. Крыніцы беларуска-літоўскага права / I.A. Юхо. Мінск : Беларусь, 1991. 238 с.
6. История государственно-правовых учений : учебник / отв. ред. В.В. Лазарев. М. : Спарк, 2006. 672 с.
7. История государства и права зарубежных стран : учеб. для вузов / под ред. Н.А. Крашенинниковой и О.А. Жидкова. 2-е изд. М. : Норма-Инфра, 1999. 624 с.
8. Стоянов, А. Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия / А. Стоянов. Харьков: Тип. Чеховского и Зарина, 1862. 304 с.
9. Нерсисянц, В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства / В.С. Нерсисянц. М. : Норма-Инфра, 1998. 288 с.
10. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский. Петроград, 1918. 429 с.
11. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г.Дж. Берман. М. : Из-во МГУ, 1998. 624 с.

Дата поступления в редакцию: 03.02.14

A.F. Vishnevsky, doctor of historical sciences, professor of law, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus, professor of the chair of theory and history of state and law of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

MEDIEVAL JURISPRUDENCE: FEATURES OF FORMATION AND DEVELOPMENT

The starting material medieval law were legal practices that result in a thorough doctrinal processing has become one of the elements of the legal culture of the European scale. Particular attention is paid to the role of university research in the discovery of Roman law for the European society. Shows the importance of school Glossators, postglossators and humanists in the development of legal thought and legal practice in medieval Europe.

Keywords: medieval, reception law, sources of law, Roman law, positive law, glossators, postglossators, humanists.

УДК 159.9:34

Т.В. Казак, доктор психологических наук, член-корреспондент Международной академии психологических наук, профессор кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники, начальник социально-педагогической и психологической службы университета

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ МОДУСАМИ САМОВОСПРИЯТИЯ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА

На основе экспериментального материала исследования проводится анализ и эмпирическая проверка возможностей и целесообразности использования новейших технологий влияния на личность при реализации концепции психосоциальной адаптации. На этом этапе изучалась взаимосвязь между величиной различий между модусами самовосприятия и уровнем самоактуализации личности.

Ключевые слова: модус самовосприятия, уровень самоактуализации личности.

На этапе нашего исследования изучалась взаимосвязь между величиной различий между модусами самовосприятия и уровнем самоактуализации личности. За показатель различий между модусами самовосприятия личности было принято семантическое расстояние между ними. Данный показатель рассчитывался на основании оценок, данных респондентами модусам самовосприятия по 30 характеристикам метода семантического дифференциала по формуле

$$D(x, y) = \sqrt{\sum d(x_i - y_i)^2},$$

где $D(x, y)$ – семантическое расстояние между модусами самовосприятия в семантическом пространстве; $(x_i - y_i)$ – разность оценок модусов самовосприятия по каждой из 30 характеристик метода семантического дифференциала.

За показатель уровня самоактуализации личности были приняты баллы, набранные респондентами по всем 14 шкалам методики САТ.

Для изучения характера связи между различиями между модусами самовосприятия и самоактуализацией личности был использован регрессионный анализ, метод подгонки кривых, единичная регрес-